
ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Александр БАЛТИН

К 220-ЛЕТИЮ Ф. ТЮТЧЕВА

Предпочтение внутренней жизни всему внешнему — иллюзорному, быстро меняющемуся, бесконечно сиюминутному декларировано с классическим высверком алмазной грани строки:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пуškai в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими — и молчи.

Глубины, в которые заглядывал Тютчев, были, в сущности, безднами; и невозможность точного и полного выражения всех душевных движений становится очевидна, хотя трагичность этой невозможности может опустить в сознание плотный занавес депрессии:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими — и молчи.

Александр Львович Балтин родился в Москве в 1967 году. Поэт, прозаик, литературный критик. Автор 85 книг (включая Собрание сочинений в пяти томах) и свыше 2000 публикаций в более чем 150 изданиях России, Украины, Беларуси, Башкортостана, Казахстана, Молдовы, Италии, Польши, Болгарии, Словакии, Чехии, Германии, Франции, Дании, Испании, Израиля, Эстонии, Якутии, Дальнего Востока, Ирана, Канады, США.

Изреченная не точна, даже если кажется таковою; мысли Тютчева, растворенные в поэзии, представляются именно таковыми; и — сколь велик контраст в кратком стихотворении, посвященном скорбному обряду похорон:

И гроб опущен уж в могилу,
И все столпилось вокруг...
Толкутся, дышат через силу,
Спирает грудь тлетворный дух...

А небо так нетленно-чисто,
Так беспредельно над землей...
И птицы реют голосисто
В воздушной бездне голубой...

Он был созерцателем обеих бездн — Федор Тютчев — запредельной, метафизически-высокой, и низовой, часто заливающей душу тотальной чернотой; он изучал их, выкладывая выводы в совершенных строках.

Его поэзия в большей мере, чем чья-то другая, приближается к понятию «совершенство», которое не определить до конца.

С детства входило некогда в жизнь: «Люблю грозу в начале мая...»

О, как резвилось это омытое вешним ливнем, сверкающее алмазиками последующей влаги (гроза пронесится быстро) стихотворение!

Как насыщает оно сознание, словно пропитывая его красотой, и — как влечет культурологическая гамма: многие ль советские дети знали, кто такая Геба?

Хотелось узнать, соприкоснувшись с сияющим созвучием стихотворения.

Тютчев представляется уникальным еще и в смысле очевидного отсутствия тщеславия, столь характерного для поэтов: будто внешний успех ему, сознающему силу свою, безразличен совершенно, и книг незачем выпускать, достаточно признания нескольких современников, ведь среди них будут и Толстой, и Достоевский, и Тургенев...

Орнаменты его стихотворений могли быть закручены витиевато:

Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится;
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым.
Лучом поднявшись к небу, он
Коснулся высоты заветной —
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осужден.

В этом «Фонтане» есть нечто от восточного ковра: с необычайным узором, с жизнью, зашифрованной тонкими, переплетающимися, цветными нитями.

Все переплетается — да часто так, что альфу плетения не разберешь; не говоря — цель таковых усложненных узоров не постигнешь.

Тютчев, представляется, массу всего постиг, хотя и не спешил делиться — многие ли поймут?

Он рвался в зашифрованную бездну неба, рвался, оставаясь спокойным пантеистом, которого не слишком задевают шумы земные... хотя — задевают, конечно:

Хоть я и свил гнездо в долине,
Но чувствую порой и я,

Как животворно на вершине
Бежит воздушная струя, —
Как рвется из густого слоя,
Как жаждет горних наша грудь,
Как все удушливо-земное
Она хотела б оттолкнуть!

Чарующе писал о любви, особенно последней, — лучевой свет среди наростов льда:

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.

Ритмический перебив последней строки, остро подчеркивающий общую выразительность стихотворения, и так предельно выразительного, казалось бы...

Его исторические стихи монументальны: поэт стремится постичь метафизику истории, познать законы, по которым развиваются все эти человеческие спирали, осознать последнюю правду бесконечного движения.

«Гус на костре» исполнен мужественного звучания:

Костер сооружен, и роковое
Готово вспыхнуть пламя. Все молчит.
Лишь слышен легкий треск — и в нижнем слое
Костра огонь предательски сквозит.

Он подводит к логичным выводам, не снижая трагедии и финальным аккордом возводя звучание к горним регистрам, отраженным в земном:

И цепь порвав с юродствующим Римом,
Гнетущую тебя уж так давно,
На Гусовом костре неугасимом
Расплавь ее последнее звено.

Многокрасочность истории многолика, влечет и пестрый антураж ее.

Тютчев касается разных периодов: Наполеон и арфа скальда, Байрон и Рим, ветвится время, герои меняются, но что-то томит душу...

Невыразимость главного?

Вновь вспоминается та самая изреченная мысль.

Которая есть ложь, даже если поэт предельно честен.

Осознание души как христианки, четко и мощно звучащее струнами строк:

О вещая душа моя!
О сердце, полное тревоги, —
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..
Так, ты жилица двух миров,
Твой день — болезненный и страстный,

Твой сон — пророчески-неясный,
Как откровение духов...
Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые —
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.

Торжественная, как небесный простор, ясность стихотворения, его движение внутрь,
в безбрежный океан духа...

Его патриотизм высок, и слово, словно соединенное со знаменем, раскрывается...
новой бездной:

В кровавую бурю, сквозь бранное пламя,
Предтеча спасенья — русское Знамя
К бессмертной победе тебя повело.
Так диво ль, что в память союза святого
За Знаменем русским и русское Слово
К тебе, как родное к родному, пришло?

И мощно вспыхивает вечный четырехгранник четверостишия, определяющий Россию так, как не определял никто:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

И так хочется надеяться, что... несмотря на всю сумму тягот российской истории,
вопреки боли, крови и муке поэт-провидец прав!

* * *

От Лермонтова — тютчевский звук, гармония олимпийства...
От Лермонтова — переосмысленные по-своему многие мотивы...
Например — от двистишия из словесной плоти «Мцыри»:

Немного пользы вам узнать,
А душу можно ль рассказать? —

рождается сияние «Silentium», где невозможность полноты высказывания декларируется мощно и четко:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими — и молчи.

Умиротворенные лермонтовские молитвы, переходящие в спокойно-возвышенные построения Тютчева, монументальные и легкие одновременно...

Ключ, оставленный Лермонтовым, достался Тютчеву, и, используя его, таинственный и духовный, он открывал многие двери, казалось, плотно затворенные до него.

* * *

Гармония?

Тяжести много в поэтическом океане Тютчева, тяжести, тянущей на дно, заставляющей рассматривать жизнь вариантом эксперимента с уклоном в издевательство:

Как ни тяжел последний час —
Та непонятная для нас
Истома смертного страданья, —
Но для души еще страшней
Следить, как вымирают в ней
Все лучшие воспоминанья...

Судорога живого естества пред новым океаном безвестности.

Или — Тютчев ведал, что происходит за смертным рубежом?

Играющие «ш» — как вариант натурфилософии: через код звука передаются ощущения столь тонкие, что и смысловнесущим стихом не выразить до конца, только через оттенки звукописи:

Как весел грохот летних бурь,
Когда, взметая прах летучий,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутит небесную лазурь
И опрометчиво-безумно
Вдруг на дубраву набезит,
И вся дубрава задрожит
Широколиственно и шумно!..

Его природа густа и — русская — порою кажется просвечена античным восприятием яви: одухотворенность и наполненность жизнью велики...

Гроза в начале мая напрямую отсылает к античному пантеону...

Сны, увиденные в периоды жизни, дышат метафизикой спокойного порядка:

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь — и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.

Глобальность мира чрезмерна — Тютчев чувствует космос, с этой точки зрения индивидуальная жизнь не очень-то и важна: слишком мала.

Но спокойствие и олимпийское дыхание, исходящие от ряда произведений Тютчева, есть та формула натурфилософии, которую он скорее ощущал, нежели вывел.

Несмотря на мрачные моменты, волокнами перехватывающие иные строки.